

к правильному составу речей между собою. Второе, что обучался он, может быть, по правилам не своему, да чужим языкам: сей недостаток толь есть общий, как думаю, что бесчестнее россиянам не знать по-русски, нежели как инак». Третий недостаток — неполучение Сумароковым университетского образования по «грамматике, реторике, поэзии, истории, хронологии и географии, без которых не токмо великому пииту, но и посредственному быть невозможно». Здесь Тредиаковский выявляет свою связь с традицией схоластики. То же и в указании четвертого недостатка: Сумароков, мол, не знает латыни. Пятый: «Полагается он больше надлежащего на французских писателей, которые и сами во многом и, почитай, во всем копыты с греческого и латинского языка». Во избежание недоразумений следует тут же указать, что Тредиаковский не совсем справедливо напал на Сумарокова за недооценку русского языка. Сумароков и сам держался аналогичных взглядов на воспитание юношества из «третьего сословия». Напомню хотя бы его слова: «Есть-де некто г. Тауберт: он смеется Бецкому, что ребят воспитывают на французском языке. Бецкий смеется Тауберту, что он ребят в училище, как недавно заведено при Академии, воспитывает на языке немецком. А мне кажется, и Бецкий и Тауберт оба дураки: должно детей в России воспитывать на языке российском».⁵

Конечно, именно то обстоятельство, что Тредиаковский находился в русле общеевропейского движения, впоследствии приведшего к разработке национального старинного искусства в романтизме, обусловило обращение его к русскому фольклору в эпоху, когда на поверхности европейской литературной жизни еще господствовало пренебрежение к фольклору и отсутствие интереса к нему, свойственные классицизму, причем даже опыт Перро с его сказками, в которых фольклор предстал причесанным до неузнаваемости на светский лад, не изменил этого положения. Разумеется, и Тредиаковский не смог оценить в русском фольклоре его демократическую народную сущность; для него фольклор интересен не столько как народная поэзия, сколько как древняя и национальная, самобытная, природная русская форма поэзии. Кроме того, — и это характерно для Тредиаковского, — обращаясь к фольклору, он связан еще узами классического пренебрежения к нему. Отсюда и робость, осторожность Тредиаковского в привлечении к теоретической разработке фольклора. То, что это — национальная поэзия по преимуществу, привлекает Тредиаковского; то, что это — поэзия крестьян, не знающих латыни, не изучавших университетских наук, чуждых правилам искусства, смущает и пугает его. Тем не менее он решился указать на фольклор, как на основу построения нового русского

⁵ Цит. по кн.: С. Порошин. Записки СПб, 1881, запись 27 сентября 1765 г.